

Валерия Цапкова

Кофейня

Столик у окна



Валерия Цапкова
Кофейня. Столик у окна

«Издательские решения»

Цапкова В.

Кофейня. Столик у окна / В. Цапкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858759-7

«Мир слишком велик для меня. Я слишком многое люблю, слишком многого хочу, слишком многое уже упущено. Разве имею я право хотя бы на миг предположить, что вернусь на шаг назад? Разве имею я право упустить даже самый маленький шанс, глоток свежего воздуха? Разве имею я право терять хотя бы минуту времени, которое хочу провести с теми, кто мне дорог, и через кого я могу понять себя?» (с) В. Ц.

ISBN 978-5-44-858759-7

© Цапкова В.
© Издательские решения

Содержание

«Кофейня» I	13
Запах дождя	14
Первая история: о грустном празднике	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Кофейня Столик у окна

Валерия Цапкова

© Валерия Цапкова, 2017

ISBN 978-5-4485-8759-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему я пошла этим путем? Трудно сказать. Не то чтобы это было интереснее, или я об этом мечтала, или еще какие-то весомые аргументы... Просто я сделала выбор. Ты ходил когда-нибудь гулять по городу, воткнув в уши наушники, выкурив сигарету в оставшейся позади кофейне, и не обращая внимания на то, по каким улицам идешь, какие вокруг дома? Просто идешь вперед, погрузившись в себя, как говорится, на автопилоте. И вот оказываешься на перекрестке. Надо решить, куда идти дальше, и поворачиваешь, скажем, налево. И хотя, чтобы пойти налево нужно пересечь перекресток по диагонали, а то и вовсе перейти обе дороги по очереди, и хотя там ведется стройка и придется идти по дороге, так как весь тротуар заняли леса, ты просто уже идешь туда и все. Неважно. Какая это улица, что за район, куда она приведет... Возможно там сядет батарейка плеера и дождь промочит сигареты, но там, несомненно, будет нечто иное.

И ради этого ты туда идешь.

Мне, словно русалочке из сказки,
По асфальту больно ступать.
Взять бы в руки кисти и краски,
Да море нарисовать...

Живое море, живой песок —
И только ракушки мертвые;
Чей-то струящийся голосок
Поет, что скалы, в гальку стертые,

Когда-то были могучими и прекрасными,
Да только устали слегка,
А вода то грубо, то ласково
Хоронила их среди песка...

Взять бы в руки кисти и краски,
Да все это написать...
Жалко, руки дрожат, и в маске
Ни холста, ни кистей не видать...

Далекая галактика видна

В моем средневековом телескопе;
Ночами я мечтаю у окна
О самом точном древнем гороскопе.

И я и небо – мы уже одно,
Его созвездия в моих глазах сияют.
Стремлюсь всем сердцем в фиолетовое дно,
Где спутники планеты покоряют.

Ладонями тянусь к луне-царице,
К туманностям и звездным городам,
И к солнцу, словно к сказочной жар-птице,
К инопланетным быстрым кораблям.

Я б так хотела броситься туда,
Купаясь в звездах и в созвездиях ныряя!
Ах, мне приелась теплая вода —
Хочу я в ледяную вечность Рая...

Прекрасные алмазы в вышине,
О вас я все легенды прочитала!
О! Вы и дороги и близки мне,
И лишь о вас я страстно так мечтала!

Мне не понять земной унылой пыли —
Мне пыли звездной хочется узнать!
Мы все когда-то лишь мечтами жили —
Пришло уж время их в реальность изваять!

Нас ждет простор небес необозримый,
Зовет и манит тайны разгадать!
Границы совершенства мы разбили
И остается только в руки его взять!

Настанет день, когда и я исчезну, —
Писала Женщина, на чьих устах – печать.
Настанет день – я чувствую – железно! —
Мне обратиться в прах – и замолчать.

Таким же оттиском на капле сургуча
Как и ее – мой рот тогда пленят,
Да только позабудут сгоряча,
Кто Адресат.

Так позабудут высохшие тени
Всех тех, кто жадно, полной грудью жил,
Кто не бросал ножа, не сгинул в пене

Морской пучины, кто Любви служил.

Так позабудут жалкое ничто,
Оставшееся от постылых будней,
Любимые, в погоне за мечтой,
Утратив зрение и обретя безумье.

Настанет день, когда мой едкий голос
Последним шорохом рванется из груди.
Остынет кровь моя, и расплетется колос
Волос, седых, как пряди блудных льдин.

Моим рукам, исчерченным небрежно
Иссиня-черными штрихами тонких вен,
Не бить стекла, не прикасаться нежно
К бутонам роз, к бетону бранных стен.

Я за собой мечтала след оставить
Из слова, из пространства полноты.
Да вот, боюсь, что вся за мною память —
Двоичный код и мертвые цветы.

Прочитайте мне вслух этот томик тонкий.
Можно с ошибками
наизусть —
Только не в электронке!
Я за шорох страниц,
За голос дрожащий,
К вашим ногам швыряю
все свое настоящее.
Я за то,
чтоб увидеть
чернил решетку
На бумаге
цвета
слоновой кости,
Отпускаю в море
старую лодку,
Полную
Прошлого
Постылых
Повестей.
Сердца удары,
Памяти колкости,
Без грусти отдам
за бубнящие,
скользкие

Строки,
звуки,
дрожашие пальцы,
Прозрачную-на-обоях тень
Бродского.

Ныне имя мое – Никто,
И адреса у меня – нет.
Новый день в разноцветном пальто
Принесет только грусть и бред.

Ныне имя мое – Зачем
Просыпаться после полудня?
Посреди театральных сцен
И сцен коммунальных будней.

Ныне адрес мой – точка-ком,
Как в одной пресловутой песне.
Напиши мне в письме о том,
Как близок горьковский буревестник.

Напиши, что достала жара,
Что кофе подорожало,
Что двое подруг рожали,
И тебе уж давно пора.

Между делом твое письмо
Прочту по диагонали.
Дети, кофе, санкции, ВТО,
Как вы достали...

Как призраки минувших дней,
Вдоль плинтуса крадутся тени.
Из всех людей, из всех идей —
Лишь те храню, что потемнели,

Как серебро, как камни спин
Домов, склонившихся к колодцам
Над суетой промозглых зим
И лет, тоскующих по солнцу.

Как мысль, сорвавшись с языка,
Непойманная, тонет в небе,
Как после двух нулей рука
Во сне встречает продолженье

Воображения дилемм,
Этюдov клятвонарушенья,
Написанных пятном колен
На полотне пустой постели.

Что ж, сотни слов излито пошлых,
Как свеч бенгальских лживый хруст.
Пусть тлеет стыд ланит и уст
Под полумаской пальцев белых;
Под коркой век заиндевелых – апория безумств...

На светло-сизом девять черных жил,
Как строки нот бестактных и безмолвных,
Плывут то вниз, то вверх, под хруст пружин
И шорохи из двух соседних комнат.

Ни сна, ни дела – до пяти утра
Я изучаю танец черных линий.
Ночь тихая, как старшая сестра,
Заглядывает в окна через иней.

Да, нынче редко встретишь этот дар
Зимы, ее хрустальный спутник.
Он к мертвым диафрагмам белых рам
Из пластика не тянет хрупких рук.

Как сторож волн морских и скал прибрежных,
Маяк, из тьмы полночной выплавлен фонарь.
Меж ним и мной расщелиной заснеженной
Разверзлась улицы горизонталь.

Скребя когтями ржавой арматуры,
Снаружи по стене ползет труба,
Выбрасывая жерло кривокруглое
На край карниза жестяного лба.

Порой разбудят три четверки с картой,
И я, сквозь рябь окна и ритм ресниц,
Смотрю в лицо классической Астарте,
С небес смотрящей в сотни тысяч лиц.

Я не однажды падал ниц
Перед дождей сухим колодцем.
Я тушь с опущенных ресниц

Размазывал под жгучим солнцем,

Как будто я попал под дождь,
Как будто тушь размыли слезы.
Меня всего лишь била дрожь,
И я орал, глотая воздух

В беззвучном крике ртом, я бился,
Как мотылек, в аркан окна,
И небо вспышкой озарилось
Над башней каменной. Одна,

Вторая, третья... Все четверки
Я сосчитал, утратив сон.
Вдыхая с жадностью озон,
Я наблюдал в своей коморке,

Как рвется в бездну глыб гранит
Из стен, доселе нерушимых,
Из пламени моей души,
В девятый Ава день. Как Тит,

К руинам храма равнодушен,
Очерчен аркой и кольцом,
Увековечен незнакомцем,
В плоть мраморную заключен.

Обернутся камни мхом
Над твоей могилой.
Век лежать тебе песком
В золистых равнинах.

Прорастут корней персты
Сквозь твое пристанище.
Милая, на полверсты
Было здесь ристалище.

По твой прах пришли с мечом
Дети саламандры;
Дух твой изгнан вороньем
В идол палисандровый.

Память дней твоих с росой
Плоть Земли впитала,
Упокоила весной
Со снегами талыми.

Сердца грязные холсты,
Милая, схоронены.
Им в запасниках земных
Вечно быть безмолвными.

Шестифутовый покров
Над пустой могилой.
Обернется рожью кровь,
Да взойдет озимой.

Я выглянула в окно:
Там вдруг улицы опустели.
Словно дома были – стрижи,
Да враз улетели.

Я выглянула в парадную:
Там дышать стало легко и грустно,
Зато без вреда здоровью.
Правда, с вредом искусству...

Даже кухня переменялась:
Продуктов побольше, поменьше сплетен.
Что обидней всего —
Кофе теперь не в авторитете...

Книги вечером, утром – утро.
Как будто все как положено.
Накину старенький тренч.
На то, что «не к месту» и покорезено.

Я исчезну.
Оставлю
мосты и причалы
беспардонным туристам,
дворцовым котам.
Отключу электричество
и батарею,
и отправлюсь навстречу
Кавказским Хребтам.
Я исчезну.
так быстро —
моргнуть не успеешь,
не успеешь
под туркою
выключить газ.

Я сбегу,
как твой кофе.
На юг, на Кавказ.
Там мне дышится легче.
Поверь мне!
Поверь мне!
Там горы,
там небо,
потоки с вершин...
Одна лишь печаль:
по равнинам и рекам
мне верхом не промчатся,
за ветром не гнаться,
покуда соенок
не вырос с аршин.
И все же
исчезну.
Оставлю без кадра
весеннее таянье
льдов
на Неве.
Оставлю без строк
чужестранную сакуру,
и сирень,
неизменную каждой весне.
Я исчезну.
Так громко,
что ты не заметишь,
как над городом спящим
взлетит самолет.
Ты забудешь,
что нету автобуса
ночью
на остановке «Аэропорт»...

«Кофейня»¹

...я понятия не имею, о чем эта книга!

Сегодня, 30 декабря 2014 года, я поняла, что снова хочу писать. Как предпосылку к тому, чтобы начать писать эту книгу, я приведу высказывание одного из самых дорогих мне людей; да простит он мне, что я не спросила разрешения. На мой взгляд, это наиболее живые и искренние слова о счастье, которые мне доводилось прочитать.

«Я начал формировать свою систему ценностей, во главе которой становится неопределимое, но всем знакомое – счастье. В нее не вписывается прошлое – его перечеркивает умение прощать и оставлять, идти вперед, идти до конца, ища счастье в каждом моменте, в каждой вещи, взгляде, запахе, человеке, мысли, звуке. Воспоминания – тоже важно сохранять, но только те, что важны для счастья, чтобы знать, что сейчас лучше; или чтобы воскресить в своем воображении то, что было замечательного, и снова это испытать. Это ценность бытия, настоящего момента, ценность чувств и ощущений». (с) В. С.

¹ Раз уж это Кофейня – пусть каждый рассказ будет запахом. Вдыхая запах чего-либо, мы пробуждаем чувства. Вдыхая воздух, мы дарим себе еще несколько мгновений жизни.

Запах дождя

Когда я сидела рядом с ним, я чувствовала его тепло. Он мог просто поднять глаза от тетради – на доску, а я это знала, не смотря в его сторону. Когда он смотрел на меня – чувствовала взгляд, хотя никогда бы не сказала, что он тяжелый. Это был взгляд человека, у которого в кармане камушек, но все будут думать, что это джокер. Когда этот мальчик не приходил в школу, я почему то, знала это, еще входя в нее. Когда он ушел – розовые очки первый раз пошатнулись. В этом возрасте кажется, что все, что есть вокруг – будет всегда. Мальчика больше не было за моей партой. Шли годы, но тепло осталось. Остался тот же взгляд.

*Итак, 16:37 – Бог останавливает время,
Он спускается с небес,
В карманах прячет чудеса.
Он говорит, что я могу передать письмо тебе,
С белым парусом, который возвращается
На много-много-много лет назад:...
(с) «Високосный год»*

Первая история: о грустном празднике

Перед окнами домика, в котором жила маленькая я, были трамвайные пути. Там ходили аж целых два маршрута трамвая, но только тогда, когда они никому не были нужны. Я думала о том, как отдать ему приглашение на день рождения. Я хотела позвать его в гости. Но в тот день шел проливной дождь, и звать кого-то в гости было несколько странно. Зато для меня самой никогда не было проблемой пройтись под дождем. И вот, натянув джинсы и футболку, я взяла зонтик и смело отправилась на остановку. Это был тот случай, когда нужно было сразу идти пешком – идти то было всего несколько кварталов. Но я осталась на остановке.

Трамвая не было. Дождь не прекращался и не утихал. Я стояла на остановке. Остановкой было просто условное место перед поворотом, где всегда стояли люди, но не было никаких опознавательных знаков, и уж конечно никакого навеса. Я стояла под своим сиреневым зонтиком, в мокрых по колено джинсах, в облепленных грязью кроссовках, и смотрела на рельсы. Рельсы были исчерчены следами от крышек, которые мы с девчонкой из соседнего двора подкладывали под колеса трамвая, чтобы получались плоские цветные фишки. Ими не играли. Просто собирали, с ненасытным удовольствием отдирали вспенившуюся и набухшую пористую резинку с внутренней стороны, оттирали грязь и ржавчину с внешней – цветной, украшенной логотипами компаний, производивших пиво, коктейли и лимонад. Трамвая все не было. Дождь лил все с тем же упорством. Я посматривала на теплившиеся желтым окошки своего дома. До него было метров пятьдесят. «Может, вернуться...?» Я смотрела на домик еще секунду, затем безнадежно глянула в конец улицы, откуда должен был появиться трамвай. Пусто и тихо. Только глухой гул дождя. Я перешла улицу и пошла пешком. Так обидно было бы простоять столько и вернуться. «Все равно, уже промокла...» – подумала я, ускоряя шаг. Выйдя из балки, где мне навстречу несся грязный поток, на ровную дорогу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.